

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Продовольствию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Второй год борьбы с голодом.

Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата
по Продовольствию за 1918—19 год.

Цена 20 руб.

МОСКВА. — 1919.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
Арбатская пл., Филипповский пер., д. № 11.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМПРОДА.

Имеются на складе:

1. „Второй год борьбы с голодом“. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по Продовольствию за 1918/19 г. Ц. 20 руб.
2. Н. А. Орлов. „Продовольственное дело в России во время войны и революции“.
3. С. Петров. „Царские наследники-самогонщики и борьба с ними“, стр. 32. Ц. 1 руб. 50 коп.
4. Ф. III. „Общественный стол (Коммунальное питание), стр. 64. Ц. 3 руб.
5. А. М. Дунаевский. „Рогожно-кулевое дело в России“, стр. 40. Ц. 5 руб.

В ближайшее время выходят из печати:

1. Систематический сборник декретов и распоряжений по продовольственному делу. Кн. I и II, около 800 стр.
2. В. Ф. Панченко. „Вопросы продов. и снабжения“.
3. Отчет о Всероссийском Совещании заведующих кооперотделами (состоявший из статей О. Ю. Шмидт.).

Готовятся к печати:

1. „Почему у крестьян отнимают излишний хлеб“.
2. „Трудовые коммуны и советское хозяйство“.
3. „Враг-ли один другому—крестьянин и рабочий“.
4. „Мещеничество и борьба с ним“.
5. „Не гоните кооперацию“.
6. „Почему голодает Советская Россия“.
7. „Кооперация в системе социалистического хозяйственного обмена Советской Республики“.
8. „Основы социалистического обмена“.

Разошедшиеся издания:

1. Н. А. Орлов. „Продовольственная работа Советской власти“, стр. 396. Ц. 10 р.
2. А. Г. Шлихтер. „Продовольствие с Украины“ стр. 16. Ц. 1 руб.

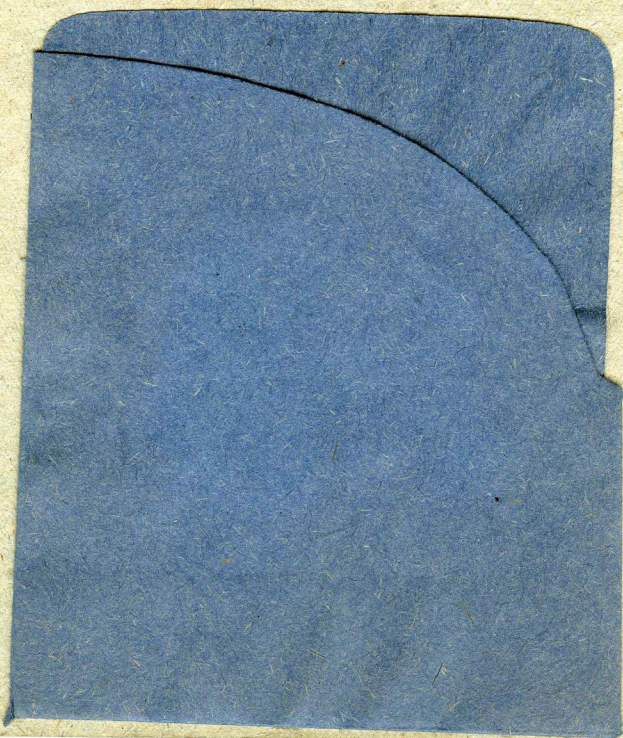
П л а к а т ы.

- № 1. „Пролетарии деревни и города, соединяйтесь!“.
- № 2. „Как из хлеба сделать ситец“.
- № 3. „Земля или хлеб?“.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, Верхние Торговые Ряды, комн. № 79. Тел. 1-02-60.

РАЙОНУЛЬТИРОМСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Суд. ряды № 34-36
Бланк № 7

Косм.

Второй год борьбы с голодом.

Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата
по Продовольствию за 1918—19 год.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВАЯ
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Інв. № 150620

✓ 51

ГЧС

Проверено
ДПС
58 64 00

Д
Р
Р
Д
П
К
В
Л
И
Ч
О

Т
Н
Н
В
Н
Р
М
Б
Р

Д
М
Р
Ч
И
П
Р
Ж
С
Р
П
Н
И
В
С
С
В
Т
О
Т
О
Б
О
С
М
В

Продовольственная политика Советской власти.

Все продукты массового потребления должны быть взяты на учет государством и распределены, согласно принципа — „кто не работает, тот не ест“; все производители должны получать за отчуждаемые у них предметы установленные твердые цены; крупные и средние предприятия, а также вся частная торговля, должны быть национализированы. Таково было содержание одного из тех лозунгов, под знаком которых, сначала нарастала, а затем и произошла октябрьская революция.

Намеченная программа не явилась результатом каких-либо теоретических построений. Она была продиктована экономической необходимостью, ибо, ясно было, что в условиях хозяйственной разрухи, вызванной войной, в переходный момент крушения старых и рождения новых общественно-экономических форм, иным способом не может быть обеспечено удовлетворение нужд широких масс.

Имея своей основной задачей перераспределение жизненных благ на началах, диаметрально противоположных тем, на которых покоилось распределение, основанное на частно-правовых хозяйственных отношениях и свободной торговле, обеспечивавших имущие классы за счет неимущих, выдвинутая революцией программа организации снабжения населения была программой боевой. Концентрировать в руках государства материальные ценности, необходимые для обеспечения мало-мальски сносного существования трудящегося населения, и предоставить их неимущим за счет имущих, — означало вступить в прямой конфликт со всеми общественными группами, заинтересованными в сохранении своего прежнего привилегированного положения.

Серьезный конфликт неизбежен был не только с крупными капиталистами и крупной буржуазией, но также с мелкой и средней буржуазией, в том числе и с зажиточными слоями крестьянства, научившагося понимать толк — как в революциях, так и в высоких ценах на сельскохозяйственные

продукты, возможных при сохранении старых экономических отношений, и, прежде всего — свободной торговли. Это обстоятельство, разумеется, не могло не придать особой остроты революционным методам снабжения населения, предопределенным историческим ходом событий.

Естественно, что мероприятия, проводившиеся в области снабжения с целью разрешения поставленных революцией задач, равно, и органы, созданные для осуществления их неминуемо должны были приобрести боевой характер. Заготовка хлеба, будучи осью, вокруг которой вращается вся деятельность государственных органов снабжения, на деле оказалась не столько хозяйственной операцией, сколько политической задачей, и борьбой за хлеб. Компрод же и его учреждения — органами борьбы трудящихся с голодом за право на существование.

Вот — что проходит красной нитью через продовольственные мероприятия Рабоче-Крестьянского правительства... Вот — что составляет сущность советской продовольственной политики и организационных форм, в которые начало укладываться дело снабжения населения в послеоктябрьский период...

Так как главнейшим моментом в деятельности продовольственных органов является борьба за хлеб, то в определении основных особенностей советской продовольственной политики надо исходить из декретов и распоряжений, касающихся заготовки хлебных продуктов. В этом отношении наиболее выразительными и наиболее ярко отражающими существо продовольственной политики Рабоче-Крестьянского Правительства следует признать декрет В. Ц. И. К. от 13 мая 1918 г. и воззвание Совета Народных Комиссаров, выпущенное в конце мая того же года.

Упомянутый декрет, известный под именем декрета о «продовольственной диктатуре», — характерен тем, что им впервые Советской властью была установлена ясно и опреде-

ленно хлебная повинность для той части сельского населения, которая обладает хлебными излишками. Подтверждая неизбежность хлебной монополии, введенной еще временным правительством, этот декрет, во-первых, изменил в обязанность каждому владельцу хлеба «весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей, с.-хозяйственных нужд и личного потребления, по установленным нормам сдавать государству» в лице его продовольственных органов, а, во-вторых, учитывая заранее возможность сопротивления со стороны зажиточной части крестьянства, указал и тот путь, каким надо идти с целью проведения хлебной повинности в жизнь; декрет призывал всех трудящихся и неимущих к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками за хлеб» и вместе с тем предоставлял Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайные полномочия вплоть до права «применять вооруженную силу, в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов».

Еще отчетливее отразилась та же мысль в воззвании, с которым Совет Народных Комиссаров обратился к населению несколько дней спустя после издания декрета о «продовольственной диктатуре». «Ни шагу в сторону от хлебной монополии! — говорилось в воззвании! Ни малейшего увеличения твердых цен на хлеб! Никаких самостоятельных заготовок! Все выдержанное, дисциплинированное и сознательное в единый организованный продовольственный фронт! Беспрекословное исполнение всех указаний центральной власти! Никаких сепаратных действий! Полный порядок в стране! Война кулакам!».

Само собой разумеется, что недостаточно было только провозгласить хлебную повинность и заявить, что последняя будет проводиться в жизнь всеми имеющимися в распоряжении государства средствами. Надо было еще под провозглашенную борьбу за хлеб подвести определенную социально экономическую базу.

Такой базой могли послужить antagonистические отношения между деревенской беднотой и деревенскими кулаками. Декретом В. Ц. И. К. от 11 июля 1918 г. «об организации снабжения деревенской бедноты», в дополнение к упомянутым выше актам, была сделана ставка на беднейшую

часть крестьянства против кулаков, заинтересованных в сокрытии хлебных излишков.

Правда, впоследствии особыми разъяснением В. Ц. И. К., применение лекрета «об организации снабжения деревенской бедноты» было ограничено. Но в основе, принятая политика в отношении деревни, осталась прежней; как и раньше, борьба за хлеб, продолжала и продолжает базироваться на организации пролетарских и полупролетарских слоев сельского населения против кулаков, — только в иной форме, — при признании обязательности хлебной повинности и для, так называемого, среднего крестьянства, поскольку у последнего оказываются хлебные излишки.

Итак, хлебная повинность для тех, у кого имеются хлебные излишки, в пользу трудящихся, не производящих хлеба... Изъятие хлебных излишков, в случае надобности, мерами принуждения... Организованный нажим на кулаков со стороны рабочих, а равно пролетарских и полупролетарских элементов деревни... Сосредоточение всего дела заготовки хлеба в руках государственных органов...

Таковы — основные приемы борьбы Советской власти за хлеб. Однако, было бы ошибочно думать, что государственные органы снабжения, как раньше, так и теперь идут за хлебом в деревню исключительно с боевыми лозунгами.

Особое место в системе продовольственных мероприятий Советской власти играет товарообмен. Бросив в голодающие трудящиеся массы лозунг организованной борьбы за хлеб, Рабоче-Крестьянское Правительство в ряде декретов указало, что нельзя ограничиваться одним отбиранием у деревни излишков, производимых ею продуктов, что одновременно надо давать деревне то, в чем она нуждается, т.-е., что необходимо на основе товарообмена, между городом и деревней построить добрососедские хозяйственные взаимоотношения.

Идея товарообмена, как мирного средства извлечения хлебных излишков из деревни, которой не была чужда и продовольственная политика Временного Правительства, получила свое первоначальное практическое выражение в постановлении Совета Народных Комиссаров от 25 марта 1918 г. об ассигновании в распоряжение Компрода одного миллиарда ста шестидесяти миллионов рублей для установления с деревней товарообмена.

Затем, 2-го апреля того же года последовало издание специального декрета о товарообмене, в котором были перечислены предметы, подлежащие употреблению для целей товарообмена, и вместе с тем, устанавливался особый принцип самого товарообмена, а именно—обязательность привлечения деревенской бедноты к организации товарообмена и обязательность передачи товаров, выдаваемых для обмена на хлеб, в распоряжение волостных или районных объединений для дальнейшего распределения среди нуждающегося населения.

Декрет от 2 апреля 1918 г. был продиктован необходимостью, т. к. практика показала, что обмен товара на хлеб непосредственно со сдатчиками хлеба неминуемо приводит к скоплению товаров в руках кулаков в ущерб снабжению беднейшей и незажиточной части крестьянства. Этим декретом была сделана попытка подчинить товарообмен определенной системе.

Спустя несколько месяцев, в практику товарообмена пришлось внести еще одну, весьма существенную поправку. Выяснилось, что декрет всячески обходится держателями хлеба, прибегающими к услугам вольного товарного рынка и, таким образом, избавляющимися от необходимости сдавать государству хлебные излишки для получения товаров.

Чтобы лишить держателей хлеба возможности прибегать к этой уловке, 3 августа 1918 года был издан декрет об обязательном товарообмене, первый пункт которого гласит: «В развитие декрета о товарообмене от 2-го апреля устанавливается в сельских местностях хлебных губерний и уездов обязательный порядок отпуска товаров обрабатывающей промышленности, как и всех вообще неземледельческих продуктов исключительно в обмен на хлеб и другие продовольственные продукты, а также на пеньку, лен, кожу и т. п.; настоящий порядок отпуска товаров распространяется, как на кооперативы, так и на все государственные и частные учреждения».

Декрет, подтверждающий хлебную монополию, и декрет об обязательном товарообмене, выросший из мысли о необходимости привлечения хлеба на государственные ссыльные пункты при помощи товаров, разумеется, были только вехами на том пути, каким вынуждена была идти Советская власть в области организации снабжения. Уже в

первые месяцы, после перехода власти в руки рабочих и крестьян, пришлось установить государственную монополию на целый ряд продуктов, чтобы обеспечить ими хоть в какой-нибудь мере трудящееся население, так была объявлена государственная монополия на чай, сахар, соль...

Кроме того, отдельными актами, в тех же целях, пришлось закрепить за государственной властью ткани, минеральное топливо, осветительные материалы и пр... Наконец, оказалось необходимым стать на путь организации государственных заготовок и государственного распределения в отношении многих формально или фактически демополизированных продовольственных продуктов—мяса, жиров, рыбы, картофеля и др.

Не прекращающееся обесценение денег и усиливающееся безтоварье, делая все более и более частно-правовые хозяйственные отношения и свободную торговлю источниками наживы и спекуляции, затрудняющими обеспечение трудящегося населения необходимыми предметами потребления, не могли не поставить Советскую власть перед необходимостью дальнейшего углубления и расширения сферы государственного снабжения. 21 ноября 1918 г. был издан декрет о национализации частно-торгового аппарата, установивший снабжение населения всеми продуктами из советских и кооперативных распределительных пунктов и возложивший на Компрод обязанность заготовки всех продуктов, «служащих для личного потребления и домашнего хозяйства»; 5-го же августа 1919 г. последовало издание декрета, которым, «в развитие и объединение декретов от 2-го апреля и 8 августа 1918 г. о товарообмене и в целях сбора сырья и топлива для обслуживания и возсоздания промышленности», определяется, что «все снабжение Компродом и потребительскими обществами сельского населения Р. С. Ф. С. Р. предметами добывающей и обрабатывающей промышленности, а также хлебом и другими продовольственными продуктами производится лишь при условии сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов».

Таким образом, советское законодательство в области организации снабжения населения далеко еще не завершено, оно находится в процессе непрекращающегося развития, которое выражается в постоянном исправлении сделанных ошибок и в постоянном укре-

плении установленных основ государственного снабжения. Порою Советской власти приходится делать отступления и временно сходить с избранного пути (декрет 21 января 1919 года о заготовке ненормированных продуктов, — «полуторгупудничество», «двухпудничество» и т. п.)...

И это — вполне естественно... В переходный момент, когда рушатся старые и создаются новые общественные и хозяйственные формы, в условиях к тому же ожесточенной гражданской войны, неизбежны ошибки и промахи, а также отступления, обусловливаемые не ограниченной слабостью, а болезненными проявлениями процесса роста.

В общем же и целом, основы советской продовольственной политики на всем протяжении истекших двух лет остаются одними и теми же, развиваясь в направлении, указанном октябрьской революцией, и конкретно могут быть выражены в следующих положениях: 1) проведение принципа государственного снабжения населения продуктами продовольствия и предметами потребления; 2) установление монополии на главные продукты питания и потребления; 3) развитие государственных заготовок в отношении демонополизированных продуктов; 4) введение обязательного, коллективного товарообмена в сельских местностях на все продукты сельского хозяйства и промыслов; 5) установление повизности населения по сдаче излишков хлеба и других главных продуктов сельского хозяйства и 6) борьба за хлеб и необходимые городу и промышленным центрам продукты и предметы потребления против кулаческих элементов в союзе с пролетарскими и полупролетарскими слоями сельского населения.

В области распределения советская продовольственная политика неукоснительно руководствовалась и руководствуется принципом преимущественного снабжения трудящихся по сравнению с нетрудящимися, распространяемым, как на городское, так и на сельское население. В городах и промышленных районах он проводится в форме, так называемого, «классового пайка», основанного на подразделении потребителей на несколько категорий; в деревне он проводится, как указывалось выше, преимущественно путем установления коллективного товарообмена.

Борьба за хлеб, понимаемая в широком смысле этого слова, требовала создания специального, организационного аппарата...

Сначала Компрод, родившийся на развалинах старого министерства продовольствия, был чисто техническим заготовительным органом, преследовавшим чрезвычайно узкие и односторонние цели. Но скоро стало ясно, что рамки бывшего министерства продовольствия слишком тесны и, что для разрешения задач, поставленных в области снабжения, они должны быть значительно расширены.

Декретом, от 27-го мая 1918 г. Компроду было поручено «объединить в одном органе: снабжение населения всеми предметами первой необходимости и продовольствия, организовать в государственном масштабе распределение этих товаров и подготовку к переходу к национализации торговли и промышленности». В дальнейшем, с изданием декрета, упразднившего частный торговый аппарат, функции Компрода еще более расширились.

С расширением сферы деятельности Компрода и по мере того, как определялись основы советской продовольственной политики, явилась необходимость и в перестройке самого аппарата Компрода. Вместо бюрократического, технического органа, приспособленного, главным образом, к заготовке хлеба, надо было создать совсем особый орган, который был бы непосредственно связан с рабочими массами и обладал бы достаточным политическим авторитетом.

Упомянутый уже ранее декрет от 27-го мая положил основание новой организации продовольственных органов, — как в центре, так и на местах. Им установлены следующие организационные принципы: 1) принцип централизации с полным подчинением местных продовольственных органов центральной власти; 2) устранение из местных продовольственных органов кулаческих элементов; 3) связь продовольственных органов с местными советами, и 4) организационная связь продовольственных органов хлебных губерний с населением потребляющих местностей.

В реорганизованном виде Компрод опирается на Губернские Продовольственные Комитеты (Губпродкомы), Уездные Продовольственные Комитеты (Упродкомы) и Районные Продовольственные Комитеты (Райпродкомы). Упродкомы состоят из уездных продоволь-

венных комиссаров (упродкомиссаров), избираемых уездными советами и утверждаемых губернскими продовольственными комиссарами (губпродкомиссарами) и коллегий, списки членов которых составляются продкомиссарами и утверждаются исполнительными органами местных советов; Губпродкомы — из губпродкомиссаров, избираемых губернскими советами и утверждаемых народным комиссаром Продовольствия, и коллегий, списки членов которых составляются губпродкомиссарами и утверждаются губернскими исполнительными комитетами; что касается Райпродкомов, то, являясь органами ряда волостей, связанных между собой в экономическом отношении, они действуют на тех же основаниях, на которых действуют Упродкомы и Губпродкомы.

Во все местные продовольственные органы омпрод может делегировать своих уполномоченных, имеющих право приостанавливать решения, противоречащие декретам и распоряжениям центральной власти или являющиеся нецелесообразными с точки зрения общегосударственных задач. В каждый Упродком губерний, отпускающих хлеб, омпрод может включить от одного до половины общего числа членов упродкома из списка кандидатов, рекомендованных профессиональными союзами рабочих, советскими организациями и столицами на советской платформе партийными объединениями потребляющих губерний. В каждый Губпродком производящей губернии на том же основании могут быть делегированы представители Губпродкомов потребляющих губерний, — один представитель от столиц и один представитель от армии и флота; общее число представителей Компрода и потребляющих губерний должно составлять не менее $\frac{1}{3}$ и не более $\frac{1}{2}$ всего числа членов упродкома. Число представителей потребляющих губерний в продовольственных органах производящих губерний в настоящее время выше указанной нормы и составляет приблизительно 50% общего числа членов Упродкомов и Губпродкомов губерний, отпускающих хлеб.

Особое положение в общей организационной сети продовольственных органов занимают рабочие продовольственные отряды (продотряды), продовольственная армия (продармия) и органы рабочей инспекции. Продотряды и продармия являются одним из главных рычагов Компрода и его органов на

местах в их заготовительной деятельности, в особенности, в области заготовки хлеба и фуража.

Продотряды формируются Военно-Продовольственным Бюро Всероссийского Совета Профессиональных Союзов (Военпродбюро). Функции продотрядов состоят: 1) в производстве учета урожая и хлебных излишков, 2) в выполнении всех операций, непосредственно связанных с ссыпкой хлеба, 3) в агитации и побуждении крестьян к сдаче хлебных излишков государству, 4) в содействии транспортным операциям и т. п. В настоящее время в распоряжении Компрода имеется свыше 500 продотрядов составе до 20.000 человек.

Продармия имеет своей задачей принудительное изъятие хлебных излишков в тех случаях, когда держатели хлеба уклоняются от выполнения хлебной повинности. В большинстве случаев продармейские части держатся лишь наготове. Сплошь и рядом оказывается недостаточным одного присутствия их в местностях, где производится ссыпка хлеба, чтобы сдача излишков происходила безболезненно, без применения мер принуждения. По крайней мере так обстояло дело в прошлую кампанию.

В течение 1918—1919 г. продармия имела в своем составе, в разное время, от 20.000 до 45.000 чел. В кампанию 1919—1920 г. численный состав продармии предполагалось сделать постоянным с таким расчетом, чтобы он не падал ниже 45.000 чел.

Набирается продармия из добровольцев и лиц призванных в войска, но оказавшихся по состоянию здоровья негодными к несению военной службы. В организационном отношении она построена также, как Красная Армия, подчиняется всем декретам, касающимся последней, и в случае надобности может употребляться для военных целей. С августа 1919 года продармия включена в состав войск внутренней охраны.

Органы рабочей инспекции составляются из сознательных рабочих, рекомендованных профессиональными союзами. Они формируются Военпродбюро и состоят в его ведении, но работают под руководством Компрода. Задача органов рабочей инспекции — осуществлять классовый контроль над деятельностью Компрода и его органов на местах.

До последнего времени Компрод в центре и продкомы на местах, помимо заготови

тельных функций, несли также и распределительные функции; поэтому в своем организационном строительстве они должны были иметь в виду также и задания, связанные с делом распределения. Теперь, согласно декрета от 20 марта 1919 г., распределительные функции целиком переходят в сферу компетенции потребительских обществ и Компрод, в качестве органа государственной власти, сохраняет за собой лишь контроль за деятельностью вновь создаваемых распределительных организаций.

Таков аппарат Компрода и его местных органов. Это—не только технический аппарат, заготавливающий по твердым ценам и путем товарообмена хлеб, а также и другие продукты питания и предметы широкого потребления; это—вместе с тем непосредственно связанный с рабочими массами орган, сверху до низу приспособленный к тому, чтобы вести организованную и планомерную борьбу за хлеб для голодающего населения.

Для построения такого аппарата, конечно, потребовалось употребить много усилий и преодолеть безчисленные затруднения. Воплотить в организационные формы те продовольственные задачи, которые выдвинула революция, и создать хозяйственный орган, не только связанный организационными узами с голодающими рабочими массами, но приводимый последними в движение, мог только сам рабочий класс.

И с этой организационной задачей пролетариат справился. Протекшие два года не прошли даром—в итоге двухлетней организационной работы сложился совершенно нового типа государственный аппарат, являющийся одним из орудий борьбы рабочего класса с голодом.

Здесь уместно будет остановиться на продовольственных мероприятиях, которые сначала проводились царским правительством, а потом выдвинутым февральской революцией временным правительством. Это необходимо сделать для того, чтобы путем сравнения методов борьбы с продовольственным кризисом, применявшихся в разные исторические моменты, возможно резче оттенить основные особенности советской продовольственной политики.

Каждому способу производства соответствует особый способ распределения; всякая государственная власть может проводить в области распределения только такую по-

литику, которая отвечает данному способу производства и интересам общественных групп, занимающим в последнем господствующее положение. Как в сфере экономической политики, вообще, так и в сфере распределения в частности, объемлющей собой все то, что составляет содержание продовольственного вопроса, никакая государственная власть не может пойти против своей «природы».

Будучи по природе своей пережитком прошлого, царизм в то же самое время являлся политической системой, отвечавшей определенным частно-правовым хозяйственным отношениям, обуславливавшим в самых отсталых формах историческое и экономическое господство ничтожного меньшинства рабство громадного большинства. Понятно, что поставленный перед лицом голода царизм органически не мог покуситься ни на свободу торговли, на основе которой осуществлялось в стране распределение, ни на интересы жадной клики помещиков и капиталистов, высасывавших из страны последние жизненные соки.

Вот почему царское правительство оказалось совершенно бессильным в отношении начавшейся, чуть ли ни с первых дней войны, на продовольственном рынке игры и повышение и скупки запасов, а вместе с тем, конечно, и в отношении задержки в сбыте продуктов со стороны хлебо-производителей—помещиков и крестьян. Самое большое на что оно могло отважиться, это на введение незначительных коррективов в разгуливавшую стихию спекуляции.

Первым актом царского правительства области продовольственных мероприятий была передача дела заготовки продовольствия и фуража для армии Главному Управлению Земледелия и Землеустройства и его окружным и губернским уполномоченным. Правительственной агентуре было поручено скупать определенное количество продуктов на вольном рынке по вольным ценам.

Правительство надеялось, что хлеб, которого, вследствие прекращения экспорта, стране было достаточно, будет без особых распределений поступать в распоряжение государства. Однако этого не случилось; вопреки ожиданиям, хлеб плохо поступал на государственные сыпные пункты, а главные цены на него с такой стремительностью подымались вверх, что являлось естественное опасение, что государственное казначей-

ство не выдержит «патриотического воодушевления» держателей сельскохозяйственных продуктов.

Чтобы несколько попридержать «патриотические чувства» помещиков, зажиточного крестьянства и торговцев, правительство рядом указов установило ограничения для хлебной торговли; командующим военными округами было предоставлено право запрещения вывоза продуктов из производящих губерний; административным инстанциям было вменено в обязанность устанавливать предельные цены, объявлять обязательные рыночные цены и прибегать в случае необходимости к реквизициям. Но и эти меры желательных результатов не давали.

Чувствуя себя неуязвимой, свободная торговля опрокидывала все рогатки, которые расставлялись перед ней. И в самом деле, какое значение могли иметь запрещения вывоза и предельные цены, раз свободная торговля в принципе признавалась неприкосновенной.

К весне 1915 г. продовольственный кризис настолько обострился, что пришлось серьезно задуматься над вопросом об урегулировании дела снабжения. В результате на протяжении каких-нибудь четырех месяцев последовало издание двух продовольственных актов: одним актом (19 мая 1915 г.) учреждались в Петрограде Главный Продовольственный Комитет, на местах губернские продовольственные комитеты из представителей ведомств и торгово-промышленных организаций; другим актом (17 августа 1915 г.) было учреждено особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу.

И Главный Продовольственный Комитет и заменившее потом его Особое Совещание обязаны были производить учет запасов, заготавливать продовольствие для населения, устанавливать нормы снабжения, вырабатывать планы перевозок, устанавливать предельные цены, осуществлять и надзор за торговыми предприятиями и пр., и пр. Но надо ли доказывать, что в условиях полицейского государства и при сохранении свободной торговли, как основы распределения, новые государственные учреждения, при всей кажущейся широте программы их деятельности, должны были вырождаться в типичные бюрократические аппараты, не способные справиться с возложенной на них громадной задачей.

Ни Главный Продовольственный Комитет, ни Особое Совещание ни в какой мере не урегулировали дела снабжения; они еще более запутали положение. Главное же они не нашли и не могли найти способов сосредоточения в распоряжении государства продуктов, необходимых для армии и населения; свободная торговля и на этот раз оказалась сильнее государственной власти, не смеявшей поставить вопрос о коренном изменении самой системы снабжения.

Конец 1915 г. и первое полугодие 1916 г. ознаменовались попытками правительства заговорить твердым языком с производителями продуктов. Но попытки эти систематически разбивались сопротивлением со стороны аграриев, которые, разумеется, не хотели добровольно отказаться от возможности неограниченной наживы за счет войны.

Во вторую половину 1916 г. продовольственный кризис вылился в форму голода в столицах и промышленных центрах и даже в армии. Надо было спасать положение и в роли спасителей выступили представители торгово-промышленного капитала, приобретшие к этому времени некоторый политический вес.

Под прямым давлением торгово-промышленного капитала, правильно учувшего революционное значение нарастающего голода, царское правительство объявило принудительную хлебную разверстку по твердым ценам. Но было уже поздно; февральская революция смела царизм с исторической сцены, не дав ему возможности довести разверстку до конца.

Таким образом, все продовольственные мероприятия царского правительства были разрозненными, не объединенными общей идеей и единством плана, попытками подчинить свободную торговлю государственным задачам. Так как последние в корне своем противоречили самому существу свободной торговли и частно-правовым хозяйственным отношениям, то, разумеется, попытки эти не могли не разбиваться о суровую действительность.

И это — не случайность, что царизм только перед издыханием своим решился пойти на принудительное отчуждение хлеба и тем самым покуситься на одну из основ старых хозяйственных форм. Если бы царизм отважился на такую решительную меру с самого начала, продовольственных осложнений, вызванных войной, то поссорившись с аграриями и возбудив недовольство

крестьян, он гораздо раньше повис бы в воздухе и гораздо раньше обнаружил бы свою несостоятельность и свое бессилие, и крушение его, вероятно, произошло бы еще до февраля 1917 года.

Выступая с идеей принудительного отчуждения хлеба по твердым ценам, торгово-промышленные группы менее всего думали о борьбе с продовольственной разрухой во всем ее объеме не на словах, а на деле. Они имели в виду пожертвовать интересами сельских хозяев, в том числе и зажиточной части крестьянства, чтобы ценой этой жертвы, добыв в распоряжение государства некоторое количество хлеба, купить успокоение начавших уже волноваться голодных масс и вместе с тем обеспечить армию в целях продолжения военных операций.

Февральская революция передала власть в руки буржуазии. Актом Временного Правительства от 25 (30) марта 1917 г. о передаче хлеба в распоряжение государства (о хлебной монополии) торгово-промышленные группы, оказавшиеся у власти, довели основную идею хлебной разверстки до ее логического конца.

Но, провозглашая хлебную монополию, Временное Правительство не сделало ни одного шага, чтобы провести реформу в жизнь. Все мероприятия новых органов государственной власти в продовольственной области были таковы, что исключали возможность более или менее удовлетворительного изъятия хлебных излишков в распоряжение государства.

Связанное корнями своими с буржуазией, Временное Правительство поручило проведение в жизнь хлебной монополии продовольственным комитетам, составленным из представителей старого земства, торгово-промышленных организаций и кулацких элементов деревни, при ничтожном, совершенно декоративном участии рабочих. Неудивительно, что построенные на таких началах продовольственные органы стремились не столько к изъятию хлебных излишков у владельцев их, сколько к сокрытию запасов хлеба.

Кроме того, Временное Правительство органически не могло связать продовольственного кризиса с общим состоянием рынка и производственными отношениями.

Уничтожая свободную торговлю хлебом, оно в тоже самое время стремилось сохранить свободную торговлю всеми другими

предметами потребления и старые формы производства.

Лишить сельских хозяев, главным образом, крестьянство возможности наживы за счет голодающих и в то же самое время сохранить свободу наживы для торгово-промышленных групп—такова была продовольственная программа Временного Правительства. Провести ее в жизнь можно было только путем применения силы но для этого временное правительство, опиравшееся на меньшинство населения и не имевшее за собой фактически ни рабочих, ни армии, не обладало ни достаточной мощностью, ни достаточным политическим авторитетом.

Строго говоря, между продовольственной системой царского правительства, если в данном случае можно только говорить о какой-нибудь определенной системе, и продовольственной системой сначала правительства Керенского—Миллюкова, а потом коалиционного, никакого принципиального различия не было. Обе системы стремились к одному: сохранить привилегированное положение имущих классов за счет неимущих.

Но это уже было невозможно. Продовольственный кризис нарастал: в результате хищнического хозяйничанья имущих классов и империалистической войны, он превратился в сложный узел экономических и политических вопросов, разрубить который в состоянии был только революционный класс, заинтересованный в уничтожении старых хозяйственных отношений и создании экономических и политических условий, исключающих возможность эксплуатации в какой бы то ни было форме трудящихся имущими. Таким классом и явился рабочий класс, взявший в октябре 1917 г. власть в свои руки и в процессе борьбы трудящихся за право на жизнь выработавший свою собственную продовольственную систему и создавший отличный от прежних аппаратов снабжения свой собственный аппарат борьбы с голодом и нуждой.

Вступив недавно в третий год практического проведения в жизнь организации государственного снабжения населения на началах, указанных октябрьской революцией своевременно оглянуться назад, пройденный путь и, при помощи накопившихся за два года фактов и цифр, проверить насколько правилен тот путь, каким иде Советская Власть в тяжелой борьбе с го-

подом и нуждой, доставшимися ей в наследие от старого общественного строя и четырехлетней империалистической войны. Если еще год тому назад можно было только говорить о намеченных путях в области снабжения, то теперь уже есть полная возможность на основании непосредственных указаний опыта судить о том, отвечают ли интересам трудящихся установленные Советской Властью способы и формы обеспечения населения продовольственными продуктами и предметами первой необходимости.

Остановимся, прежде всего, на заготовительной деятельности продовольственных органов и в первую очередь, на заготовке хлеба, определяющей основные черты советской продовольственной политики. Обратимся к цифрам.

В течение первых десяти месяцев после низвержения власти буржуазии, в период времени с 1-го ноября 1917 г. по 1-е августа 1918 г., советским продовольственным органам, по неполным и неточным данным, удалось заготовить только 30 милл. п. хлеба. В период времени с 1-го августа 1918 г. по 1-е августа 1919 г. хлебная заготовка выросла в сумме 111 милл. п.

В производящих губерниях, между которыми, главным образом, в прошлом году было разверстано 260 милл. п., оказалось заготовленным хлеба 108 милл. п. Таким образом, хлебную разверстку в минувшем году удалось выполнить в размере 41,6%.

Высшее выполнение разверстки приходится на долю крупы и бобовых продуктов—87,7%. Зерно и мука дали 40% разверстки, а вместе с крупой—42,5%; эту цифру и надо признать показательной для прошлой годней заготовки продовольственных хлебов; кормовых хлебов было заготовлено 11,5% разверстки.

Из отдельных губерний более успешно выполнены были даряды на заготовку в губерниях: Казанской (61,1%), Орловской (54,8%), Рязанской (61,5%) и Саратовской (44,3½%). Низший процент разверстки дали губернии Вятская, Курская и Пензенская (24,7—28,1% %).

По данным статистики Михайловского в 33 губерниях нынешней Советской России в кампанию 1916—1917 гг., т.-е. частью царский период и частью в период Временного Правительства, было заготовлено 194 милл. п.; в тех же губерниях, не охватываю-

щих всех районов, где производилась заготовка советскими продовольственными органами, кампания 1918—1919 гг. дала хлеба 107 милл. п. Говоря иными словами, советским продовольственным органам удалось заготовить хлеба на 45% меньше, чем продовольственным органам царского правительства и Временного Правительства на той же самой территории.

Интересны цифры, показывающие соотношение между количеством хлеба, вывезенного в прошлом году государственными органами, и количеством хлеба, вывезенного мешечниками. По вычислениям Центрального Статистического Управления, которые, разумеется, не могут претендовать на точность, в 26 губерниях Советской России всего хлеба вывезено из деревни в прошлую кампанию 146 милл. п., из них 77 милл. п. продовольственными органами и 68 милл. п. мешечниками.

О чем же говорят приведенные выше цифры?—Они говорят о многом.

Во-первых, они указывают на то, что в течение второго года существования Советской Власти государственные продовольственные органы, и, вообще, весь государственный механизм работали, несомненно, лучше, чем в первый год. Если бы дело обстояло иначе, то заготовка хлеба ни в коем случае не возросла бы.

Во-вторых, общий процент выполнения разверстки, в особенности, данные о выполнении разверстки по отдельным губерниям и хлебным продуктам опровергают то ходячее мнение, что идея хлебной повинности, на основе которой продовольственными органами производится заготовка, абсолютно неприемлема для крестьянства. Крестьянство медленно и не без сопротивления воспринимает идею хлебной повинности, но, нет никакого сомнения, что необходимость сдачи излишков государству все более и более проникает в его сознание.

В-третьих, соотношение между количеством хлеба, заготовленного государством, и количеством хлеба, вывезенного из деревни мешечническим способом, показывает, что в области снабжения населения хлебом мешечничеству не принадлежит, как это многие думают, первенствующее положение. В прошлую кампанию мешечникам удалось изъять из деревни хлеба уже меньше, чем продовольственным органам.

В-четвертых, из приведенных цифр выте-

кает тот вывод, что в то время, как в царский период и период временного правительства, при свободе торговли, заготовка хлеба государственными органами падала все ниже и ниже, в советский период она неукоснительно возрастает. Заготовить в порядке государственной повинности 55% того, что на той же территории было заготовлено царским правительством и правительством Керенского, располагавшими еще значительными запасами товаров и необесцененными денежными знаками, значит, пробить большую брешь в прежних частно-торговых хозяйственных отношениях.

Все это свидетельствует о том, что героические усилия, употребляемые рабочими и беднейшими крестьянами, взявшими власть в свои руки, для преодоления голода не бесплодны. Они дают результаты, указывающие на то, что путь, избранный Советской властью в области снабжения населения, является правильным.

Если мы обратимся к данным, характеризующим начавшуюся хлебную кампанию 1919—1920 гг., то увидим, что только что сделанные выводы несколько не грешат против действительности. Наоборот, они полностью подтверждаются цифрами и фактами из новой хлебной кампании.

Судя по имеющимся сведениям, почти повсеместно, где производится заготовка хлеба, ссыбка протекает успешнее, чем в прошлом году. Августовская ссыбка текущей кампании оказалась значительно больше прошлогодней августовской ссыбки; то же самое надо сказать и относительно октябрьской ссыбки.

Есть полное основание предполагать, что в текущий осенний сезон продовольственным органам удастся заготовить на 10—15 милл. п. больше, чем в прошлом году. И это, несмотря на то, что целый ряд хлебных губерний, вследствие военных неудач на южном фронте, оказался недоступным для продовольственных органов, и на то, что в теперешнюю хлебную кампанию продовольственные органы, благодаря бестоварью, должны сокращать товарообмен, а денежные знаки в деревне почти совершенно потеряли покупательную силу.

Характерными для новой хлебной кампании являются поступающие с мест сведения о сдаче государству отдельными волостями хлебных излишков полностью. Таких исправных волостей уже насчитывается свыше де-

сятка, между тем, как в прошлом году и вовсе не было.

Отсюда само собой вытекает вывод, что идея хлебной повинности не только начинает проникать в сознание крестьянских масс, но она начинает преодолевать старые хозяйственные представления и понятия в той среде, где они являются наиболее прочно укоренившимися. Тут мы имеем дело, естественно с революцией, то, во всяком случае, во начале переворота в крестьянском сознании насковоз пропитанном собственническим мелко-буржуазными стремлениями.

Несомненное вхождение в сознание крестьянских масс идеи хлебной повинности представляет собой крупную победу Советской власти, свидетельствующую об установлении добрососедских отношений между деревней и городом. Никакая другая власть не могла бы одержать этой победы, так как ей пришлось бы опираться на грубую силу, всегда и везде являющуюся источником раздражения и вражды.

Советский заготовительный аппарат естественный аппарат принудительный. Но характерно то, что меры непосредственного принуждения, имевшие еще место в кампании 1917—1918 г. ввиду сопротивления в кампании 1918—1919 г. к ним не приходится прибегать при реализации урожая 1919 г.

Отсюда, разумеется, не следует, что в наличности созданного Советской властью принудительного аппарата уже нет необходимости. Факты говорят о том, что потребность в наличности такого аппарата еще существует и сфера применения его неминуемо должна расширяться в дальнейшем по мере того, как обесцениваются денежные знаки, и оскудевают запасы товаров, находящихся в распоряжении государства.

Роль принудительного аппарата в условиях, которые создала Советская власть и которые одна она могла создать, — чисто страховая. Возможность применения государственных мер принуждения лишь страхует голодающих рабочих от прекращения притока продовольственных продуктов из деревни, обладающей излишками.

Спрашивается: если принудительный порядок заготовки хлеба дает голодающему населению лишь гарантию того, что оно не останется без хлеба, то какие факторы играют главнейшую роль в достижении относительных успехов в заготовительной деятельности продовольственных органов и в ус-

оду и

тановлении наметившихся добрососедских выворотностей между городом и деревней? Фактологически эти следующие: 1) все более и более инсквореняющаяся в сознании крестьян та старая мысль, что только Советская власть, являющаяся рабоче-крестьянской властью, может прочнее обеспечить крестьянству избавление от едской кабалы, предоставив ему возможность в союзе с рабочим классом свободного экономического и политического развития; 2) непосредственное участие рабочих масс в созданном их усилиями заготовительном аппарате, и 3) предоставление городом и деревней главной массы товаров из скудных запасов государства, что, разумеется, не имело бы места, если бы власть принадлежала бы рабочим и крестьянам, а имущим буржуазным классам.

Отсюда само собой вытекает вывод: чтобы усилить приток продовольственных продуктов из деревни в город, чтобы голодная норма потребления была заменена, наконец, нормой нормальной, надо всемерно усилить продовольственные органы, сделав их еще более мощными; и одновременно напрячь всю энергию, чтобы ничто не могло нарушать добрососедских взаимоотношений города и деревни. В этой области рабочие уже сделали. Они выполняют и то, может быть, неизмеримо более значительное, что еще осталось сделать.

Помимо хлеба, государственным органам приходится заготавливать также мясо, жиры, картофель и другие продукты. Из перечисленных продуктов только мясо заготавливается в порядке обязательной разверстки; остальные продукты, хотя и заготавливаются по твердым ценам, но, за исключением картофеля, в нынешнюю кампанию и коровье масло в Вологодской губернии, не в порядке обязательной разверстки.

Обязательную разверстку мяса Советская власть унаследовала от Временного Правительства, которое в свою очередь получило ее в наследство от правительства Романова. Вызвана она была недостаточным количеством скота в стране.

Еще в 1916 г. Мясной Комиссией Главного Продовольственного Комитета было установлено, что имеющегося в стране убойного скота, крупного и мелкого, не может хватить для снабжения всего населения и в первую очередь армии, железнодорожных и иных категорий рабочих, работающих на

оборону. Поэтому удовлетворение мясной потребности гражданского населения было значительно понижено, и, в целях увеличения мясных заготовок, была введена на определенных началах обязательная разверстка.

Одной из причин недостатка убойного скота было не столько абсолютное, сколько относительное уменьшение его. До войны, многомиллионное крестьянское население почти не употребляло мяса; мобилизованное в ряды армии оно стало потребителем мясных продуктов; усилилось, в связи с экономическими изменениями, вызванными войной, потребление мяса и в самой деревне.

Уже в 1916 г. был не выполнен наряд на мясо для армии. То же самое явление имело место и в следующем году, — так, из общего наряда на 1917 г., по обязательной постановке скота и мяса в 50.281.000 п., было доставлено около 26.700.000 п. или около 53%.

В условиях, вызвавших ослабление мясных заготовок в царский период и период Временного Правительства, после октябрьской революции прибавились и другие неблагоприятные явления, среди которых особое внимание следует уделить уменьшению мясной территории. В первый же год существования Советской власти продовольственные органы последней лишены были возможности заготовить мясо в богатых скотом Сибири, Смиречье и на Кавказе, кроме того, благодаря гражданской войне, постоянно нарушались и теперь еще нарушаются правильно организованные мясные заготовки в Астраханском районе, Заволжье, а также в южных губерниях.

Неудивительно, поэтому, что заготовки мяса в 1917—18 и 1918—19 гг. оказались чрезвычайно скудными, едва обеспечивающими армию. Из назначенных по плану 5.491.783 п. мяса с января по сентябрь (включительно) 1919 г. было заготовлено мяса всего 1.083.452 п. или 20%.

Сторонники свободной торговли, обыкновенно, указывают, что незначительные размеры мясных заготовок обуславливаются низкими твердыми ценами и применением обязательной разверстки. Им приходится возражать теми же аргументами, что и противникам государственной хлебной монополии.

Если у сельского населения, в связи с обесценением денежных знаков и бесго-

варьем, нет импульсов к добровольной сдаче продуктов, необходимых голодающему населению, то единственным выходом из создавшегося положения может быть установление обязательной сдачи определенного количества продуктов по определенной твердой цене. Это соображение к заготовке мяса относится в той же степени, как и к заготовке хлеба.

Незначительность мясных заготовок по сравнению с хлебными заготовками объясняется не тем, что применение обязательной разверстки в отношении мяса нецелесообразно, а тем, что, во-первых, на территории Советской России наблюдается абсолютный недостаток убойного скота; во-вторых, гражданская война в большей степени ограничивает мясную территорию, чем территорию с хлебными запасами, и, наконец, в-третьих, деревня значительно усилила внутреннее потребление мяса, — которого раньше она совершенно не знала, в то время, как потребления хлеба судя по целому ряду анкетных обследований, в общем и целом, она не увеличила. Поэтому исжить мясной голод, несомненно, труднее, чем исжить хлебный голод.

Для успешной борьбы с хлебным голодом необходимо усилить заготовительную деятельность продовольственных органов и создать нормальные экономические и политические взаимоотношения между городом и деревней. Для преодоления мясного голода городского и промышленного населения, помимо того, что необходимо для успешной борьбы с хлебным голодом, нужно еще и многое другое: 1) увеличение территории мясных заготовок; 2) поднятие скотоводства, что невозможно без изменения общих условий сельского хозяйства, и 3) замена питания мясом комбинированным питанием, состоящим из некоторого количества растительной, молочной или жировой пищи.

Если принять во внимание все сказанное, то выполненные в 1919 году за 9 месяцев 20% мясной разверстки представляются не столь уже незначительной величиной, говорящей не против, а за обязательную разверстку, как метода заготовки. Не применяя разверстки, продовольственные органы не в состоянии были бы заготавливать и то количество мяса, какое им удастся заготовить, и мясной голод, несомненно, давал бы о себе знать еще более болезненно.

Заготовка жиров, в частности коровьего масла и картофеля, до недавнего времени,

как уже сказано было выше, хотя и производилась по твердой цене, но без применения разверстки. Заготовка же овощей других продуктов производилась в большинстве случаев по вольным ценам.

В печатаемых ниже отчетах читатели найдут данные, из которых видно, что в области заготовки коровьего масла и картофеля продовольственные органы достигли ничтожных результатов. Жировой и картофельный голод все более и более обостряется.

Из указанных данных надо сделать определенный вывод. Нет никакого сомнения, что заготавливать продукты массового потребления, не в государственном порядке, обычными закупочными приемами становится все труднее и труднее.

В этом отношении чрезвычайно поучительна история картофельных заготовок. Она имеет три этапа: в начале кампании 1918—1919 г. картофель заготавливался в государственном порядке, по твердым ценам без применения разверстки; во вторую половину той же кампании государственная заготовка картофеля фактически не производилась, и все дело заготовки было передано рабочим и иным организациям, что на деле означало «свободную» закупку картофеля; наконец, реализация урожая 1919 г. производится исключительно государственными органами, по твердым ценам и в порядке обязательной разверстки.

Отказ от двух первых методов заготовки картофеля был вызван тем, что ни один из них не дал положительных результатов: провалилась государственная заготовка без применения разверстки, провалилась и свободная закупка. И это вполне понятно, так как оба метода требуют сохранения за денежными знаками устойчивой покупательной силы, чего уже не наблюдалось в отношении картофеля, несмотря на его второстепенное значение по сравнению с хлебом, в начале реализации урожая прошлого года, на что нельзя было рассчитывать в начале 1919 г., а тем более — приступая к проведению новой картофельной кампании.

Какие результаты даст государственная заготовка путем обязательной разверстки — покажет будущее. Но уже теперь можно предположить, что результаты эти будут более значительные по сравнению с результатами, которые можно было бы достигнуть при допущении свободной закупки

картофеля, в особенности — в условиях наступившей транспортной разрухи.

Вывод этот далеко не голословный. В прошлом году всего было заготовлено (преимущественно в осенний период) и вывезено картофеля 11.480,000 п.; в этом году осенняя заготовка в порядке разверстки, объявленной с небольшим опозданием, по неполным сведениям дала 7.500,000 п., если из цифры прошлого годней заготовки исключить 8 милл. п. картофеля, заготовленного в губерниях: Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской, в которых, благодаря военным действиям, в нынешнюю осень картофель не заготавливался государственными органами, то получим (в круглых цифрах) 7 милл. п. теперешней заготовки против 3 миллионов прошлого годней заготовки приблизительно на одной и той же территории.

То, что сказано относительно картофельных заготовок, должно быть отнесено к заготовке коровьего масла, молочных продуктов и яиц, становящихся совершенно недоступными для покупки на денежные знаки. Весь ход заготовок названных продуктов повелительно диктует необходимость перехода к обязательной разверстке и в отношении этих продуктов.

Итак, общий вывод, который надо сделать на основании имеющегося опыта заготовки хлебных продуктов, может быть, только один: чем меньше становится покупательная стоимость денежных знаков, и чем сложнее вследствие этого создается экономическая обстановка, тем труднее становится приобретать продовольственные продукты путем обычной закупки, как для государственных органов, так и для всевозможных организаций и отдельных лиц. Отсюда ясно, что методы, применяемые при заготовке хлеба, неизбежно должны быть распространяемы и на другие продукты.

Хлеб, мясо, картофель... На очереди — молочные продукты, яйца... Если к этим продуктам прибавить морскую рыбу, сахар и соль, которые составляют предмет ведения Высшего Совета Народного Хозяйства, и которые продовольственные органы только распределяют, то, окажется, что в сферу исключительной компетенции государственных органов снабжения предстоит фактическое включение всех главнейших продовольственных продуктов.

В деле снабжения населения продуктами промышленности и кустарного производства продовольственные органы несут преимущественно распределительные функции. Главную массу распределяемых ими товаров они получают от национализированной промышленности, и только изделия кустарного производства заготавливаются ими частью самостоятельно, частью через агентуру, главным образом — через кооперативные организации.

Поэтому здесь мы остановимся на трех моментах: 1) на установлении товарных запасов, которыми располагает государство; 2) на распределении и 3) на товарообменных операциях. К сожалению, в нашем распоряжении нет точных цифровых данных, вследствие чего, делая те или иные выводы, нам придется руководствоваться сведениями и соображениями общего характера, позволяющими однако нарисовать весьма близкую к действительности картину снабжения населения продуктами промышленности.

Прежде всего надо признать следующий совершенно бесспорный факт: мы расходует более того, что производим. Уменьшение товарных запасов начало наблюдаться в первые годы войны; в последние же годы, благодаря невозможности наладить производство в условиях войны, навязываемой Советской России врагами рабоче-крестьянской власти, сокращение товарного фонда в особенности остро стало давать о себе знать.

Главная масса товаров, распределяемых государственными органами снабжения, получена не от собственного производства, строящегося на новых началах, а от старой капиталистической промышленности, оставившей после себя совершенно расстроенное наследство. Оставленное наследство было реализовано путем конфискации и национализации, и если бы Советское Правительство не прибегло к упомянутым революционным приемам, то, разумеется, никакого товарного фонда в распоряжении государства и не было бы, и всякое снабжение населения давно прекратилось бы при том состоянии промышленности, какое наблюдается в настоящее время.

Уже в мае текущего года Главпродукт предупреждал, что государственные товарные запасы истощаются. Приведем некоторые цифры, легшие в основание этого грозного предостережения.

Тканей, готовых и подлежащих выделке из имевшихся запасов сырья, полгода тому назад насчитывалось всего лишь 800 мил. арш., т.-е. едва столько, сколько нужно для снабжения населения до января 1920 года, при норме в 10 арш. на человека; ситчеки выдавалось на месяц по $1\frac{1}{2}$ коробки на человека и 5 коробок на красноармейца; махорки ежемесячно на бумаге Главпродуктом получалось 68 тыс. ящиков, из которых 40 тыс. передавалось армии, — табачного жакырья имелось всего лишь на 3—4 месяца; соли предполагалось вывезти 16 — 20 милл. п. из намеченного плана перевозки 50 милл. п.; сахару насчитывалось около 7 милл. п., из которых 4 милл. п. были распределены до новой сахарной кампании; обуви предполагалось заготовить для гражданского населения 4 милл. пар, фактически удавалось ежемесячно отправлять по 200 тыс. пар; металлов было приблизительно 300 — 400 тыс. п., т.-е. на 3 месяца; оконного стекла насчитывалось очень мало, и его едва хватало для покрытия потребности военного ведомства. Так обстояло дело в мае месяце.

За протекшие 6 месяцев государственные товарные запасы, разумеется, еще более сократились, что и подтверждается цифровыми сведениями, приводимыми ниже в отчете «Снабжение населения продуктами промышленного и кустарного производства». Осенью пришлось нормы распределения для отдельных категорий населения значительно понизить, исключив из числа предметов общего распределения суконно-шерстяные ткани, вату, обувь (кожаную и валяную), шапки, меховые изделия, мыло (простое и туалетное), табак легкий, папиросы и сигары, керосин, свечи, чай, кофе, бумагу и некоторые другие товары. Установить точное количество товаров, отпущенных населению советскими органами за все время их деятельности, представляется невозможным, так как, в период времени с ноября 1917 г. по март 1919 г. по вполне понятным причинам снабжение населения производилось совершенно хаотически. Да и впоследствии оно долго не укладывалось в определенное организационное русло.

В данный момент возможно определить лишь приблизительное количество товаров, отправленных в провизию. По отчетным сведениям Главпродукта, с марта 1918 г.

по 1 января 1919 г. было отправлено товаров на 1.762.056.027 руб., и с 1 января 1919 г. по 1 августа 1919 г. — на 5.904.299.987 р., всего на 7.666.355.114 р.

Наибольший интерес, разумеется, представляют собою товарообменные операции. Но, к сожалению, точных данных о товарообмене в распоряжении Главпродукта не имеется.

Чтобы получить хотя-бы приблизительное представление о размерах товарообменных операций, приходится из общего количества отправленных товаров исключить количество товаров, отправленных для удовлетворения нужд городского населения, населения потребляющих губерний и армии. Определяя общее количество таких отправок приблизительно в сумме 4-х миллиардов рублей, мы можем предположить, что с января 1919 г. по август 1919 г. было отправлено в хлебобродные губернии для удовлетворения нужд сельского населения товаров на сумму до 2 миллиардов рублей.

Стоимость всего количества заготовленного в 1918—1919 г.г. хлеба в денежных знаках выражается приблизительно в сумме 1,7 миллиардов рублей. Таким образом, можно допустить, что значительно свыше 50% общей стоимости хлеба оплачено товарами.

Отсюда надо сделать следующих два вывода: первый — деревня дала городу меньше хлеба, чем следовало — бы городу получить в соответствии с отправленным им для удовлетворения нужд деревни количеством товаров, и второй — как ни хаотически был поставлен товарообмен, он, несомненно, явился одним из самых крупных факторов в хлебозаготовительных операциях государства. Деревня вправе жаловаться на то, что город не дает ей всего, в чем она нуждается; но деревня не может сказать, что город обидел ее: город дал ей из своих скудных запасов все, что мог дать.

Из предыдущего ясно, какое значение может иметь отмеченное выше уменьшение товарного фонда, находящегося в распоряжении государства. Оно, с одной стороны, влечет за собой почти полное прекращение снабжения населения предметами промышленности даже в том ничтожном количестве, в каком оно производилось в течение последнего времени, и, с другой, отнимает у продовольственных органов одно из на-

и более действительных средств сосредоточения в руках государства необходимого количества продовольственных продуктов, в которых нуждается голодающее население.

Если в области заготовки продуктов сельского хозяйства советским органам удалось преодолеть тысячу препятствий и достигнуть хотя и незначительных, но несомненных успехов, то в области производства товаров, необходимых населению, успехов еще не видать. Причину этого явления надо искать в отсутствии сырья и топлива, в общем расстройстве экономической жизни страны, ненадежности организационного аппарата производственных органов и в недостаточной производительности труда.

Многие из указанных факторов могут быть устранены лишь тогда, когда рабочие и крестьяне, сломив сопротивление буржуазии, получат, наконец, возможность приступить к спокойному строительству в области своей хозяйственной деятельности. Но есть такие условия, тормозящие восстановление народного хозяйства страны, которые теперь могут и должны быть устранены. Это — неорганизованность производственных органов и продолжающееся падение производительности труда (даже в тех случаях, когда никаким стихийным течением обстоятельств оно не вызывается).

Общие итоги заготовительной деятельности продовольственных органов и товарные ресурсы, которыми располагало государство в течение минувших двух лет, — не таковы, чтобы можно было говорить о победе над голодом и нуждой. 111 милл. пуд. хлеба, заготовленного государством, это — приблизительно треть того, что нужно было бы заготовить для покрытия всей потребности населения Сов. России; 11 милл. с лишним картофеля, доставленного в потребляющие губернии продовольственными органами, составляет какую-нибудь десятую долю того, что необходимо населению, еще меньшую часть потребного количества покрывают государственные заготовки мяса и жиров; то же самое надо сказать и о товарных ресурсах государства, — 8 аршин тканей на душу сельского населения, установленные по плану снабжения в 1919 г., это — голодная норма, которая давала возможность деревне лишь затыкать дыры в своем хозяйстве и которая, даже

будучи несколько повышенной для рабочих и горожан, не в состоянии была, хоть сколько-нибудь заметно, удовлетворить нужду населения.

Приведенные цифры как будто бы подтверждают предъявляемые Рабоче-Крестьянскому Правительству обвинения в том, что Советская власть обещала дать хлеб, но этого обещания не выполнила. Тако о р да обвинения, обыкновенно, раздаются со стороны врагов Советской власти и мало-сознательных слоев населения.

Правы ли, однако, обвинители? Не забывают ли они сознательно или бессознательно того, что составляет сущность государственного снабжения населения, проводимого в жизнь Рабоче-Крестьянским Правительством?

Прежде всего, многочисленные прокуроры, стараящиеся, так или иначе, опорочить Советскую власть, искажают действительность. Призывая рабочие массы к низвержению власти буржуазии, руководящие органы революционной части пролетариата не давали явно несбыточного обещания, что на следующий день после установления рабоче-крестьянской диктатуры, они дадут изголодавшемуся населению хлеб; речь шла о другом — о том, что только, взявши власть в свои руки, пролетариат получит возможность организовать борьбу с голодом и нуждой.

И это обязательство передовые слои рабочего класса, овладевши аппаратом государственного управления, выполнили. Нигде в мире трудящиеся сами не борются с голодом и нуждой в такой мере, как в Советской России.

Как ни скромны запасы продовольствия, которые удается заготовить органам Советской власти, преодолевая бесчисленные трудности, они все же существуют, как это видно по данным о хлебных заготовках, постепенно увеличиваются и являются источником, откуда трудящиеся могут получать продовольственную поддержку в их тяжелой борьбе. Такого источника не было ни при царском правительстве, ни при Временном Правительстве, вследствие чего немущим классам, отданным во власть вольного, спекулятивного рынка, становившегося для них все более и более недоступным, угрожала опасность оказаться перед лицом нарастающего голода совершенно бессильными и беспомощными.

Кроме того, обвинители Советской вла

сти, — одни — преднамеренно, другие — непреднамеренно, упускают из вида, что одной из основных задач Советской продовольственной политики является установление распределения на началах, обеспечивающих снабжение трудящихся за счет не трудящихся из тех скудных ресурсов, которые достались рабочим и крестьянам от буржуазного государства. Эту задачу Советская власть стремилась разрешить путем введения, так называемого «классового пайка», и в разрешении ее достигла несомненных результатов.

В июле текущего года Центральным Статистическим Управлением было произведено анкетное обследование питания населения трех промышленных центров: Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска. Полученные данные оказались в высшей степени показательными.

Анкетное обследование установило, что в июле 1919 года петроградский семейный рабочий, имеющий работу, получал хлеба по карточкам 60%, московский — 53,8%, иваново-вознесенский — 19,4% (помимо муки и крупы, которых иваново-вознесенский рабочий получал в июле по карточкам 36,8%); на одного семейного гражданина других категорий (в том числе и буржуазии) в том же июле приходилось из общего количества потребляемого хлеба по карточкам: в Петрограде — 53,3%, Москве — 47,2%, Иваново-Вознесенске — 7,5% (мукой и крупой еще 36,4%). Таким образом, в Москве и Петрограде рабочий, занятый в предприятии, более половины хлеба в июле месяце получал по карточкам, и несколько менее половины получал из других источников: «прочие семейные» в том числе и буржуазия, получали в тех же родах в июле хлеба больше с вольного рынка, чем по карточкам.

Что касается снабжения населения другими растительными продуктами, через продовольственные органы, то в указанных родах в июле месяце оно было значительно ниже снабжения хлебом. Один семейный рабочий, имеющий работу, в Петрограде получал по карточкам муки и крупы — 3,4% дневной нормы потребления, прочие растительных продуктов — 29,7%; московский рабочий той же категории — муки и крупы — 1,5%, других растительных продуктов — 5,3%; наконец, иваново-вознесенский ра-

бочий — муки и крупы — 36,8%, и прочие растительных продуктов — 78,4%.

Снабжение животными продуктами через продовольственные органы в июле месяце выразилось в следующих цифрах: в Петрограде на одного семейного рабочего, имеющего работу, приходилось животных продуктов по карточкам — 13,8% дневной нормы потребления, в Москве — 12,7%, и в Иваново-Вознесенске — 20,1%. Снабжение «прочих семейных» животными, а равно и растительными продуктами по карточкам было слабее, за исключением Москвы, где семейные рабочие, занятые в предприятиях, получали по карточкам растительных продуктов (помимо хлеба) на 2,6%, менее, чем «прочие семейные».

Приведенные данные о снабжении петроградского, московского и иваново-вознесенского населения указывают: 1) что те продукты, заготовка которых не занимала первостепенствующего места в государственной заготовительной деятельности и в отношении которых допускалась относительная или полунная свобода заготовки и торговли, отпускались по карточкам в крайне ничтожном количестве, вследствие чего население вынуждено было приобретать их, главным образом, на вольном рынке по бешеным ценам, и 2) что вольный рынок и «мешечничество» обслуживали нерабочее население в большей мере, чем рабочих. Но самый важный вывод, который вытекает из приведенных данных, это следующий: советская система снабжения неминуемо приводит к уничтожению привилегированного положения имущих классов, ведя тем самым к усилению снабжения трудящихся за счет неимущих.

Этот последний вывод находит косвенное подтверждение и в других данных. Так, по вычислениям Центрального Статистического Управления в Петрограде на одного семейного рабочего, имеющего работу, в июле приходилось в день калорий 1.917, в то время как на одного едока «прочих семейных» (в том числе и буржуазии) — 1.885.

Да! В Советской России голод и нужда еще не побеждены. Но в Советской России рабочие не голодают более для того, чтобы наживалась и благоденствовала буржуазия; в то время, как во всем мире голодом рабочих масс окупается господство имущих классов, в Советской России муки голода являются муками, в которых рождается новый общественный строй и которыми трудя-

которые оплачивают избавление навсегда от
голода и нищеты.

Итак, учет и сосредоточение в распоряжении государства продовольственных продуктов и предметов потребления и распределение последних на началах преимущественного удовлетворения нужды трудящихся — таковы были задачи в области организации снабжения населения, поставленные перед Советской властью всем ходом событий. И эти задачи усилиями самих трудящихся через органы, созданные рабочим классом, медленно, но неуклонно проводятся к разрешению.

Все декреты и распоряжения Рабоче-Крестьянского Правительства в области организации снабжения населения, имеющие в виду осуществление указанных выше целей, несмотря иногда на внешнюю противоречивость, связаны между собой одной общей идеей и рассматриваемые в хронологическом порядке представляют собой непрерывную сеть мероприятий исправления и развития организационного аппарата государственного снабжения и выпрямления общедоступной линии продовольственной политики. От отдельных, разрозненных мероприятий в области строения аппарата снабжения Советская власть перешла к построению своих боевых продовольственных органов, опирающихся на широкие рабочие массы, а теперь переходит к новым организационным формам, призывая трудящихся к дальнейшему усилению самостоятельности на основах всеобщего и обязательного кооперирования; от прямого отбирания хлебных излишков она перешла к системе планомерно проводимой хлебной разверстки в порядке государственной повинности и в настоящее время переходит к распространению разверстки на все важнейшие продукты сельского хозяйства, подготавливая таким образом почву для фактического установления натурального обложения; от непосредственного обмена предметов промышленности на хлеб, ею сделаны решительные шаги к осуществлению товарообмена в порядке снабжения деревенского населения на основе «классового пайка», т.-е. на основе преимущественного снабжения деревенской бедноты и деревенского середняка, а равно к распространению товарообмена на все продукты сельского хо-

зяйства и промыслов, чем устанавливаются правильные экономические взаимоотношения между городом и деревней; наконец, от разрозненных актов конфискации товаров и борьбы с частной торговлей, Советская власть перешла к национализации торговли и к постепенной замене частного торгового аппарата кооперативным.

Вот тот сложный путь, который уже пройден рабочими и крестьянами, взявшими власть в свои руки, в области организации снабжения населения. Много уже сделано на этом пути, но многое еще предстоит доделывать, исправлять и сызнова создавать.

Но новые трудности, которые еще ждут трудящихся впереди, не должны смущать их. Очищение богатой хлебом и скотом Сибири от белогвардейщины и несомненное освобождение в ближайшем будущем других территорий от контр-революционных банд открывают перед Советской Россией широкие продовольственные перспективы, а это одно не может не влить новые силы в уставшие трудящиеся массы; трудности, которые ждут нас впереди, будут преодолены, в частности будут преодолены и обострившиеся в последнее время транспортная разруха и топливный кризис, в особенности остро сказывающиеся на деле снабжения населения.

Об одном лишь не следует забывать: победить голод — это значит не только наладить технический заготовительный и распределительный аппарат. Победить голод — это значит вооруженной рукой пролетариата сломить вооруженное же сопротивление буржуазии, это значит положить конец вмешательству империалистических правительств в судьбы Рабоче-Крестьянской России, это значит создать сильную, крепкую и справедливую власть трудящихся во всех отраслях государственного управления, как в центре, так и на местах, это значит, наконец, не только приступить к строительству народного хозяйства на новых началах, но и достигнуть в этом отношении главного, не взирая на все трудности, что возможно лишь при поднятии производительности труда, при усвоении всеми трудящимися той мысли, что построить новую жизнь нельзя без трудовой повинности.

А. Свидерский.

0

Ор

Д

пер

гав

вре

рой

На

оче

и

вну

чен

оха

тех

вен

зан

пр

О

чей

ти

но

ра

ни

сте

со

сте

пр

ко

ко

бы

пе

ос

пр

ши

не

ди

сх

ни

об

пр

ту

по

до